

DOI: 10.31857/S0130386424010041

© 2024 г. М.Д. АКСЕНОВА

КРЕДИТНАЯ ИСТОРИЯ Н.П. ПАНИНА (1770–1837)

Аксенова Мария Дмитриевна – преподаватель Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

E-mail: mariaaksenova1@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0583-6291

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2022 г.

Аннотация. Долговые отношения были неотъемлемой частью жизни российского дворянства. К середине XIX в. в государственных кредитных учреждениях было заложено около двух третей дворянских имений. Значительную закредитованность дворян ранее связывали с их нерациональным поведением, но в последнее время тенденция меняется. Причины закредитованности населения можно связать с разными факторами развития общества, в том числе с его уровнем жизни, благосостояния, степени неравенства в нем. Изучение этих тем в исторической перспективе в данный момент очень популярно среди исследователей, особенно зарубежных. Применительно к Российской империи данная тема частично разработана, однако до сих пор не совсем ясно, как взятые займы соотносились с доходами дворян, жили ли они «в долг», что могло побуждать богатых людей к кредитованию? Ответы на эти вопросы расширят наше понимание экономического положения дворянского сословия, причин и степени его закредитованности. В данной статье эти вопросы будут изучены на примере хозяйственной учетной документации графа Н.П. Панина за 1792–1820 гг., хранящейся в РГАДА, и его опубликованной переписки. Судя по изученным документам, со временем граф перестал активно кредитоваться у частных лиц и занимал преимущественно у государственного учреждения – в Опекунском совете, свои долги которому он исправно выплачивал и обслуживал в первую очередь. Важную роль в его долговых отношениях играли его родственники, при этом он возвращал им долги в последнюю очередь, после того, как выплатит долги всем остальным. Граф активно кредитовался, несмотря на значительные доходы с имений и недвижимости. Вызвано это было потребностью в наличных деньгах, высокой инфляцией, а также необходимостью поддержания достойного уровня жизни по меркам его сословия. Таким образом, его долги в основном обусловлены внешними экономическими и социальными факторами и особенностями функционирования дворянских имений.

Ключевые слова: российское дворянство, долговые отношения, Опекунский совет, Панины, Орловы.

M.D. Aksenova

Credit History of Nikita Panin (1770–1837)

Maria Aksenova, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

E-mail: mariaaksenova1@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0583-6291

Work on this article has been supported by the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics in 2022.

Abstract. Debt relations were an important part of the Russian nobility's life. About two-thirds of the noble estates were pledged in state credit institutions by the mid-nineteenth century. The significant nobles' debt burden was formerly connected with their irrational behaviour, but the narrative has changed recently. The reasons for the debt burden of the population can be associated with various factors of the development of society, including its standards of living, well-being, and the degree of inequality. The study of these topics from a historical perspective is currently very popular among researchers, especially international ones. The topic has been partially studied for the Russian Empire history. Yet, some questions are still not answered: how did loans correlate with the nobles' incomes? Did they go into debt, what could urge rich people to borrow money? By answering them one expands one's understanding of the nobility economic status and the causes and degree of its indebtedness. In this article the author studies these issues using the example of Count Nikita Panin's economic records for 1792–1820, kept in the Russian State Archive of Ancient Acts, and his published correspondence. According to the documents, as time passed, he began to borrow money mainly from the Board of Trustees, although previously he more actively used private lending. First of all, he regularly paid and serviced his debts to the state credit institution named Board of Trustees. The Count's relatives played an essential role in his debt relations, and at the same time they were the last in the queue when the Count repaid his debts. He paid his debts to them after he paid off his debts to those persons who were not his relatives. Despite of the Count's significant income from estate, he actively borrowed money. The reasons for this could be his need for cash, high inflation, and the necessity to maintain a nobility standard of living. Thus, his debts were mainly driven by external socio-economic factors and the features of the noble rural estates functioning.

Keywords: Russian nobility, debt relations, Board of Trustees, Panins, Orlovs.

Экономическое положение дворян в Российской империи XVIII в. было достаточно стабильным. Вторая половина XVIII в. характеризуется увеличением дворянских доходов в абсолютном выражении и расширением их возможных источников¹. Однако для проходившей в стране вестернизации, в том числе и усвоения определенного уровня и модели расходов, был необходим серьезный рост реальных доходов представителей дворянского сословия². Увеличение денежных средств отчасти могло быть достигнуто за счет занимаемых в долг денег.

Проникавшая в Россию потребительская революция, принесшая расширение ассортимента товаров, также подталкивала к большим тратам. Падение ВВП в конце XVIII в., последующая стагнация экономического развития³ и высокий уровень инфляции серьезно ухудшили

¹ *Korchmina E.* The practice of personal finance and the problem of debt among the noble elite in eighteenth-century Russia // *The Europeanized elite in Russia, 1762–1825. Public role and subjective self* / eds A. Schonle, A. Zorin, A. Evstratov. Northern Illinois, 2016. P. 117.

² *Kahan A.* The costs of "Westernization" in Russia: the gentry and the economy in the eighteenth century // *Slavic review*. 1966. Vol. 25. № 1. P. 45.

³ *Broadberry S., Korchmina E.* Catching-up and falling behind: Russian economic growth, 1690s-1880s // *Oxford Economic and Social History Working Papers*. 2022. № 197. P. 30.

положение населения, как и Отечественная война 1812 г.: во время пожара в Москве сгорело почти три четверти обывательских домов и около половины казенных⁴.

Насколько дворянство обеспечивало свои траты доходами с имений и другой недвижимости в этот период? Оброк с имений обычно выплачивался дважды в год, что ограничивало быстрый доступ к наличным деньгам, получаемым с имений. К концу XVIII в. минимум 10,6% помещичьих крестьян было заложено только во Вспомогательном банке для дворянства и Сохранных казнах, управляемых Опекуным советом Санкт-Петербургского и Московского воспитательных домов⁵, а к середине XIX в. уже примерно две трети дворянских имений были заложены в государственных кредитных учреждениях⁶. На основании этого можно утверждать, что большая часть дворян не справлялась с экономическими вызовами эпохи и вынуждена была привлекать кредитные средства. Ранее закредитованность российских дворян связывали с их нерациональными тратами⁷, однако недавно эта точка зрения начала пересматриваться. Е. С. Корчмина показала, что задолженность дворян росла потому, что они соотносили свои долги «с полной стоимостью имущества, которое, при необходимости, могло быть продано»⁸. В их представлении они были богаче, чем на самом деле могли получить денег от продажи имущества.

В российской историографической традиции изучение кредита и долгов в XVIII–XIX вв. представлено фрагментарно. В основном в подобных работах изучается функционирование банков⁹. Современные исследователи занимаются изучением кредитных отношений отдельных дворянских родов¹⁰, социальных связей в долговых отношениях. Так, С. Антонов, исследовавший кредитные отношения в Российской империи в XIX в. на основании судебных дел, художественной литературы и воспоминаний показал, что в основном при кредитовании использовались горизонтальные социальные связи¹¹.

В то же время эта тема частично разработана на примере кредитных отношений купцов. Так, Н. В. Серeda, изучившая купечество и систему кредитования в XVIII–XIX вв. на примере тверского купечества, отмечает, что почти все местные купцы имели долги друг перед другом, а механизм возврата долгов часто приводил к разорению богатых представителей купечества¹².

Зарубежные исследователи чаще обращаются к вопросам кредитных отношений, и эта тема стала еще более популярной в последние несколько лет, что можно связать с широким распространением изучения уровня жизни и неравенства в исторической перспективе. Эти работы помогают понять особенности системы кредитования Российской империи в сравнении с зарубежным опытом других стран в Новое время. Э. Дерминёр изучала частные кредитные отношения во Франции с XVIII до начала XX в. и пришла к выводу, что французский рынок частного кредита во второй половине XVIII в. стал более строго регламентирован, чем

⁴ Болдина Е. Г. О деятельности комиссии для рассмотрения прошений обывателей московской столицы и губернии, потерпевших разорение от нашествия неприятельского // Москва в 1812 году. Материалы научной конференции, посвященной 180-летию Отечественной войны 1812 года. М., 1997. С. 47.

⁵ Kahan A. The plow, the hammer, and the knout: an economic history of eighteenth-century Russia. Chicago, 1985. P. 315.

⁶ Ключевский В. О. Русская История. Полный курс лекций в 3-х кн. М., 1993. Кн. 3. С. 454.

⁷ Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. С. 59; Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906. С. 481.

⁸ Korchmina E. The practice of personal finance... P. 133.

⁹ Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII — 1861 г.). М., 1958; Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2004.

¹⁰ Созинов И. В. Отражение кредитных отношений дворян дореформенной России в «Сенатских объявлениях» (на примере имений Самсоновых) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 7–12.

¹¹ Antonov S. Bankrupts and usurers of Imperial Russia. Debt, property and the law in the age of Dostoevsky and Tolstoy. Cambridge, 2016. P. 89–91.

¹² Серeda Н. В. Купечество и система кредитования в Российской империи // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сб. материалов Третьей международной научной конференции (г. Коломна, 24–26 сентября 2013 г.) / ред.-сост. А. И. Раздорский. Т. 2. XIX — начало XX в. М., 2015. С. 125.

было ранее¹³. Х. Линдгрэн, проанализировавший уровень задолженности домохозяйств в отдельных регионах Швеции на протяжении XIX в., пришел к выводу, что, несмотря на значительную (но не чрезмерную) задолженность, общее благосостояние домохозяйств увеличивалось¹⁴. А. Де Вик и К. Ван Бохове изучили функционирование, как они назвали, «совместных кредитных учреждений» в Европе и Северной Америке в 1700–1960-х годах, которые предоставляли небольшие ссуды домохозяйствам и малым предприятиям под сравнительно низкие годовые процентные ставки — от 6 до 11,3% в Европе в XVIII–XIX вв.¹⁵ В то же время во Франции конца XVIII — первой половины XIX в. банков практически не существовало, а частное кредитование, осуществляемое нотариусами, было распространено очень широко¹⁶.

Ситуацию в России того времени можно назвать противоположной французской: зачастую кредиторами становились государственные учреждения, а не частные лица. Отчасти это можно объяснить более привлекательными процентными ставками, которое предлагало государство, а отчасти — недостатком наличных денег у населения и в экономике страны: выдавая кредиты, государство в том числе запускало в экономику больше наличных денег¹⁷.

Изучение рынка кредита поможет понять: как размер получаемых дворянами кредитов соотносился с получаемыми ими доходами, какие были стратегии по их выплате, насколько широк мог быть круг кредиторов? В то же время изучение этих тем поможет приблизиться к пониманию степени и причин закредитованности дворянского сословия. Рассуждая в более широком контексте, это позволит подробнее изучить их экономическое положение, уровень благосостояния и степень неравенства в обществе, высокое значение которой рассматривается как препятствие для экономического развития общества.

Исследование осуществлено на основе хозяйственной учетной документации графа Н.П. Панина, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов, которая содержит записи о его долговых обязательствах за 1792–1800 гг. и 1807–1820 гг., исключая 1811–1813 гг.¹⁸; за 1807 и 1817–1820 гг. в источниках доступна информация лишь о его займах в государственных учреждениях. Также была привлечена публикация А. Брикнера, включающая переписку графа с разными лицами с комментариями составителя¹⁹. В статье изучены лишь те долговые обязательства, точные размеры которых мы можем найти в документах²⁰. Высокая степень достоверности данных обусловлена видом источника: документация составлялась для внутреннего учета доходов, расходов и долгов графа, смысла исказить эту информацию не было.

Н.П. Панин незаслуженно находится вне поля зрения исследователей, в тени своих родственников — дяди Никиты Ивановича, отца Петра Ивановича и сына Виктора²¹. При

¹³ *Dermineur E.M. Rethinking Debt: The Evolution of Private Credit Markets in Preindustrial France // Social Science History. 2018. № 42. P. 339.*

¹⁴ *Lindgren H. "Over-indebtedness" — or not? Household debt accumulation and risk exposure in nineteenth century Sweden // Scandinavian Economic History Review. 2022. № 70 (1). P. 53.*

¹⁵ *De Vicq A., Van Bochove C. Historical Diversity in Credit Intermediation: Cosignatory Lending Institutions in Europe and North America, 1700s-1960s // Social Science History. 2023. № 47. P. 111–112.*

¹⁶ *Hoffman Ph.T., Postel-Vinay G., Rosenthal J.-L. Dark matter credit. The development of peer-to-peer lending and banking in France. Princeton, 2019. P. 218.*

¹⁷ *Kahan A. The plow, the hammer... P. 312.*

¹⁸ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1274 (Панины — Блюдовы). Оп. 1. Д. 1114, 1155, 1159.

¹⁹ Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина / изд. и предис. А. Брикнер: в 7 т. СПб., 1888–1892.

²⁰ Случаи, в которых дата и сумма займа неизвестны, не рассматриваются. К таким относятся оплата Н.П. Паниным долгов сына, выкупленный графом долг Франца Гатенбергера и средства, полученные от «Ивана Маринина меньшого» «по обязательству и данным ему двум залогами на 2243 души, считая ежегодно по 10 руб. за душу» (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1159. Л. 60 об.).

²¹ За исключением ряда работ, например: *Шляпкиова Е.А. Н.П. Панин // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 56–72.*

этом он служил при дворе, хоть и не так долго и плодотворно, как его родственники, большую часть своей жизни он, находясь в опале, проживал в имении Дугино в Смоленской губернии. Его случай дает уникальную возможность изучения кредитных отношений и финансово-го поведения человека, уже получившего определенный социальный опыт и набор норм поведения, присущий представителям его круга, но внезапно попавшего в «социальный вакуум». А сохранившаяся подробная документация позволяет исследовать его кредитную историю на протяжении практически 30 лет.

Граф Никита Петрович Панин (1770—1837) — представитель знатного рода. Его мать, урожденная М.Р. Вейдель, умерла в 1775 г. Отец, П.И. Панин (1721—1789), после смерти жены поручил его воспитание дяде Н.И. Панину (1718—1783). Потеряв отца, Никита и его сестра София (в замужестве Тутолмина) наследовали имения их семьи, а вместе с ними к графу перешли и долги его отца и дяди. В 1790 г. граф женился на Софье Орловой.

В конце XVIII в. граф начал свою государственную службу. После третьего раздела Речи Посполитой и связанной с этим реорганизацией системы административного управления он был направлен в Гродно, где пробыл около полутора лет с жалованьем в 3 тыс. руб.²² В 1797—1799 гг. граф был послом при прусском дворе. После возвращения он около года занимал при Павле I должность вице-канцлера и был отставлен с нее к концу 1800 г. Сразу после воцарения Александра I он был приглашен на должность министра иностранных дел, однако уже в сентябре 1801 г. был удален от дел, а в начале 1805 г. его окончательно уволили с государственной службы. Причину этого одни видят в разногласиях по поводу проводимой политики в области международных отношений, другие — в предполагаемом его участии в заговоре против Павла I, что не прибавляло доверия к нему со стороны властей. После этого ему было запрещено пребывать в обеих столицах, однако такое запрещение не было, видимо, безусловным: в 1812 г. Панин бывал в Санкт-Петербурге, а в 1812—1813 гг. — в Москве, где проживали его жена и дети²³.

По оценке отца, граф должен был получать 30 785 руб. в год с завещанных ему имений. Его отец считал, так отмечено в завещании, что после продажи части имений в счет уплаты долгов годовой доход с оставшихся будет составлять 23 785 руб.²⁴

В июне 1816 г. (за более ранний период информации о заплаченных им налогах в документах нет) граф заплатил подоходный налог в 2850 руб.²⁵ Существовавший в то время в Российской империи налог с дворянских доходов был прогрессивным, взималось от 1 до 10% в зависимости от размера доходов с имений, исключая из этой суммы заплаченные проценты по долгам²⁶. Это дает возможность примерно оценить доход графа: получается, что только со своего имения в Смоленской губернии он получал ежегодно минимум около 42 тыс. руб.²⁷ Кроме того, в 1816 г. в качестве городских повинностей в Москве граф заплатил 360 руб. — 3% с отдаваемых в наем покоев, т.е. около 12 тыс. руб. он получал за московскую недвижимость. Следовательно, можно говорить, что в 1816 г. доход графа составил минимум 54 тыс. руб.²⁸

В таблице 1 показано, как менялось соотношение взятых займов в структуре получаемых средств за разные годы, из которого следует, что заемные средства не составляли больше половины от всех приходных статей²⁹ за год, т.е. граф не жил «в долг». Для большего понимания указанных ниже сумм следует упомянуть, что, по замечанию А. Мартина, минимальные необходимые траты на семью из четырех человек в начале XIX в. равнялись 500—800 руб.

²² Материалы для жизнеописания... Т. 1. С. 127.

²³ Там же. С. 222—233.

²⁴ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1159. Л. 11—11 об.

²⁵ Там же. Д. 1155. Л. 2 об.

²⁶ *Korchmina E.* Peer Pressure: The Puzzle of Tax Compliance in the Early Nineteenth-Century Russia // *EHES Working Papers in Economic History*. 2018. № 144. P. 6.

²⁷ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1159. Л. 49 об., 50 об., 62 об.; Д. 1155. Л. 54 об.—55.

²⁸ Там же. Д. 1155. Л. 12 об., 14 об.—15, 17 об.

²⁹ Всех полученных за год сумм, без учета средств, оставшихся с прошлого года.

в год³⁰. Таким образом, граф располагал суммами, которые были минимум в десять раз больше минимального уровня трат в год, при том что размер его семьи был почти в два раза больше, чем в примере А. Мартина. Несмотря на то что в номинальном выражении его доходы росли, в реальном выражении они становились меньше (табл. 2). Регрессионный анализ показал, что связи между уменьшением реальных доходов и количеством заемных средств нет³¹.

Таблица 1

Разделение приходных статей графа по категориям, %

Год	1792	1793	1794	1795	1796	1797	1798	1799	1800	1808	1809	1810	1814	1815	пер. пол. 1816
Оброк и другие доходы с имений	45	94,5	57,6	58	63	39	46,6	91	50	53,64	94,2	58,2	98,5	100	65,9
Проданные товары и имущество	51	0,1	2,4	13,7	0,7	12,4	10,2	1,4	15	0,16	0	0	0	0	0
Долговые обязательства	0	0	40	25	32	48,5	43,2	0	35	46,2	0	41,8	0	0	34,1
Другое	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5,8	0	1,5	0	0
Погашенные долговые обязательства	4	5,4	0	3,3	4,3	0,1	0	7,6	0	0	0	0	0	0	0
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Подсчет автора: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1114; Д. 1159.

Таблица 2

Изменение годового дохода с 1792 г. по первую половину 1816 г., в ассигнационных и серебряных рублях

Год	1792	1793	1794	1795	1796	1797	1798	1799	1800	1808	1809	1810	1814	1815	пер. пол. 1816
Сумма в ассигнационных рублях	98 000	75 000	90 000	95 000	93 500	106 000	127 000	65 000	119 000	250 000	155 200	198 500	133 500	162 200	165 500
Сумма в серебряных рублях	77 714	53 250	61 650	66 975	73 865	77 380	79 375	43 225	78 898	111 751	67 202	50 419	26 700	32 440	41 872

Подсчет автора: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1114; Д. 1155; Д. 1159.

³⁰ Martin A. Down and out in 1812: The impact of the Napoleonic Invasion on Moscow's middling strata // Eighteenth-Century Russia: Society, culture, economy. From the VII International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004. Münster, 2007. P. 440.

³¹ R-квадрат — 0,0558582663879597, значимость F — 0,510922324643915, что подтверждает, что статистически значимой связи нет.

Обратившись к переписке графа, можно чуть лучше понять его финансовое положение после смерти отца. В 1799 г. в письме к С.Р. Воронцову он упомянул, что после смерти его дяди остался долг в 320 тыс. руб., который образовался из-за расходов, «к которым его положение обязывало его не меньше, чем его благотворительность». Великий князь (будущий Павел I) знал об этом, как и о том, что отцу Н.П. Панина «было очень трудно выплатить часть этого долга», и «торжественно пообещал моему отцу выплатить все долги моего дяди, как только он взойдет на престол». После смерти отца обязательства по выплате долга дяди перешли к Никите Петровичу, для чего отец оставил ему 180 тыс. руб. Граф уточнил, что эта сумма каждый год «ликвидируется в 20-летнем банке (речь идет о погашении ссуд, выданных на 20 лет в заемном банке.— М.А.), лишает меня 15 тыс. рублей дохода и заставляет влезать в новые долги»³². Судя по всему, Павел I так и не выполнил свое обещание, и такое количество долговых обязательств вызывало у графа опасения, что ему придется покинуть службу через несколько лет: необходимые для представителя страны траты при иностранном дворе не «покрывались» получаемым жалованьем.

Если допустить, что все выплаты, направленные графом в 20-летний банк, шли в счет оплаты долгов его дяди, то за 1795–1800 гг. Никита Петрович оплатил из них минимум 65 600 руб.³³ Эта сумма равна почти половине того, что требовалось для оплаты долгов его дяди, если предположить, что граф внес в счет этого долга оставленные для этой цели отцом 180 тыс. руб. Зарубежная дипломатическая служба также требовала больших расходов: например, с 5 января 1798 г. по 28 мая 1799 г. только для получения гамбургских рейхсталеров было заплачено Г. Мейбауму почти 32 тыс. руб.³⁴ Из контекста можно предположить, что это были деньги на личные нужды. Таким образом, опасения графа по поводу вынужденного прекращения его службы становятся понятны.

Примерно четверть всех займов у частных лиц были взяты у родственников или близких. Иногда деньги для графа брал в долг его тесть В.Г. Орлов — восемь раз за 1794–1800 гг. Всего же он одолжил для своего зятя около 135 тыс. руб.³⁵ Почти все эти займы, за исключением одного на 6 тыс. руб. в 1800 г., были взяты Орловым для зятя на свое имя в 1794–1797 гг. Всего за 1794–1814 гг. им было взято 28 займов у частных лиц на общую сумму почти в 413 тыс. руб. Таким образом, до трети долговых обязательств Панина перед частными лицами было официально оформлено на его тестя. Такое активное кредитование через Орлова может быть обусловлено не только вынужденным отсутствием Панина в Москве по причине дипломатической службы, но и их личными хорошими отношениями.

Наибольший долг у графа был перед опекунами детей Ф.Г. Орлова — камергером А.Г. Петрово-Соловово и сенатором графом А.И. Мусиным-Пушкиным: 40 тыс. руб. одним займом. Среди всех заемщиков, которые не состояли с графом в родственных отношениях, больше всего графу одолжил И.И. Барышников (три займа на 71 600 руб., которые были взяты В.Г. Орловым на свое имя, но на счет Никиты Петровича). В феврале 1805 г. граф должен был тестю чуть больше 128 500 руб.,³⁶ и эта сумма не поменялась и к июню 1820 г.³⁷ Все взятые и учтенные в изученных документах долги графа перед В.Г. Орловым составляли 13 500 руб., 7500 руб. из которых он ему вернул, а все долги, которые Орлов брал для графа на свое имя, были погашены. Так что причины таких внушительных долговых обязательств графа перед тестем остаются неизвестны.

Панин также приобретал товары «на кредит». В 1812 г. в Москве от купца Черфолио он получил картины стоимостью в 5120 руб., которые он оплатил полностью только к началу 1817 г. В 1816 г. Н.П. Панин погасил несколько подобных «товарных займов»: две задолженности на 1617 руб. перед московским купцом И.А. Леве и две перед Нирембургской лавкой Дазера в Москве

³² Материалы для жизнеописания... Т. I. С. 277–279.

³³ РГАДА. Ф. 1274. Оп. I. Д. 1114. Л. 14, 18, 21, 23, 28, 30, 33, 35, 38, 40.

³⁴ Там же. Л. 28–30, 32–33, 35.

³⁵ Там же. Л. 7 об., 8 об., 13 об., 15 об., 20 об., 36 об.

³⁶ Там же. Д. 1159. Л. 53.

³⁷ Там же. Д. 1155, Д. 56 об.—57.

на сумму в 1570 руб.³⁸ За разные вина, взятые по расписке в 1814 г., граф был должен бывшему учителю своего сына аббату Макару 4 тыс. руб., которые он так и не заплатил и к июню 1820 г.³⁹

Из всех выявленных долговых обязательств графа обнаружено только несколько случаев, в которых мы можем понять, был ли возвращен долг вовремя или нет. Два кредитора графа согласились на продление срока возврата долгов — К.И. Козицкая, у нее в апреле 1794 г. были взяты в долг 10 тыс. руб., и И.И. Барышников, ему граф был должен 20 тыс. руб. с января 1797 г.

Во всех остальных случаях мы не можем судить, было ли получено согласие кредиторов на возврат данных ими денег позже изначально обговоренного срока. Взятый в марте 1797 г. у «безымянной особы» заем в 10 тыс. руб. на год был выплачен с просрочкой в год и девять месяцев двумя частями по 5 тыс. руб. в январе и феврале 1800 г., и, как уточнено в источнике, «сие сделано по требованию сей особы»⁴⁰. Еще четыре долга были просрочены на три с половиной месяца (заем в 5 тыс. руб.); на год (заем в 11 500 руб.); год и три недели (заем в 21 600 руб.); на три года (заем в 16 тыс. руб.). Корреляция между сроком просрочки выплаты и размером долга слабая, т.е. нельзя сказать, что чем больше был размер долга, тем дольше граф не мог его вернуть.

Интересным штрихом к портрету графа Н.П. Панина как должника является случай с его долгом Н.Д. Вольской. В мае 1816 г. она согласилась переписать долговое обязательство, срок которого истек в январе 1817 г., еще на год⁴¹. Однако в другом документе мы встречаем комментарий самого должника по поводу этого займа: «NB. В случае продажи дома моего, я желаю, чтоб сей долг Гжи Вольской (невзирая на согласие ея к пересрочке) заплачен был»⁴². К сожалению, остается неясным, когда именно этот долг был возвращен (это точно случилось до июня 1820 г.), но подобное желание много говорит о добросовестности графа-должника.

Что могло побудить кредиторов так долго ждать возврата денег? Возможно, это было личное лояльное отношение, отсутствие нужды в этих деньгах или что-то еще. Не последнюю роль в этом мог играть тот факт, что Никита Петрович исправно обслуживал свои долги — его кредиторы регулярно получали полагающиеся по долгам проценты.

Панин платил частным лицам от 5 до 10% годовых от размера долга. Назначенные к каждому займу проценты слабо коррелируют с их размерами⁴³. При этом проценты по долговым обязательствам перед родственными или близкими графу лицами были ниже, чем по другим долгам частным лицам. Например, Н.П. Панин платил по 5% в год по долгу, взятому у Е.В. Новосильцевой (сестра жены Н.П. Панина), как и по займу у «г. опекунов А.Г. Соловова и г. А.И. Пушкина воспитанников Орловых»⁴⁴. По займу, взятому у сестры Софьи, граф платил по 6% в год. По остальным 11 займам, взятым у других частных лиц, родственные или близкие связи с которыми не были обнаружены, в среднем процент составлял 7,7% в год⁴⁵.

По всем долгам частным лицам граф выплатил минимум 88 тыс. руб. процентов (или около 21% от всех подобных долгов). Почти во всех случаях граф исправно платил проценты каждый год (исключения — проценты по займам, взятым у сестры и у «безымянной особы»). «Смена» кредитора не была препятствием к исправному обслуживанию долга: на 70 тыс. руб., взятых в 1813 г. у И.М. Васильева, граф платил проценты каждый год (которые в итоге составили почти половину всей занятой суммы), при том что с 1818 г. этот долг унаследовал племянник кредитора В.М. Федоров.

Можно разделить кредиторов графа на две группы — родственные и близкие графу люди и все остальные. Второй группе он старался вернуть деньги первоочередно⁴⁶, что можно связать с большими процентами по долговым обязательствам перед ними. Среди его кредиторов было

³⁸ Там же. Л. 8 об.—9, 12 об.—13, 14 об.—15; Д. 1159. Л. 56 об.—57 об., 58 об.—59.

³⁹ Там же. Д. 1155. Л. 57 об.

⁴⁰ Там же. Д. 1114. Л. 21 об, 37—38.

⁴¹ Там же. Д. 1159. Л. 56.

⁴² Там же. Д. 1155. Л. 8.

⁴³ Коэффициент корреляции — 0,163587684.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1114. Л. 29 об.

⁴⁵ Три займа были взяты под 5–6% годовых.

⁴⁶ Не считая возврата денег за взятые «на кредит» вещи или товары.

много дворян и влиятельных персон из придворных, из чего следует, что граф часто формировал горизонтальные связи в долговых отношениях.

Кредитовался граф и в государственных кредитных учреждениях, например в Опекунском совете Московского воспитательного дома. Долговые обязательства Н.П. Панина в номинальном и реальном выражении более чем за треть его жизни отражены в таблице 3.

Таблица 3

Займы Н.П. Панина, взятые у частных лиц и в Опекунском совете

Кредитор	Дата займа	Сумма в ассигнациях	Сумма в серебряных рублях
Частное лицо	18.03.1794	9500	6507,5
Частное лицо	04.04.1794	10 000	6850
Частное лицо	07.04.1794	15 000	10 275
Частное лицо	12.03.1795	2000	1410
Частное лицо	01.10.1795	20 000	14 100
Частное лицо	12.01.1796	30 000	23 700
Частное лицо	20.12.1796	20 000	15 800
Частное лицо	12.01.1797	20 000	14 600
Частное лицо	21.03.1797	10 000	7300
Частное лицо	21.03.1798	15 000	9375
Частное лицо	27.08.1798	40 000	25 000
Частное лицо	13.01.1800	6000	3978
Частное лицо	07.04.1800	8000	5304
Частное лицо	19.04.1800	20 000	13 260
Частное лицо	20.04.1800	7500	4972,5
Опекунский совет	27.05.1807	18 300	9845,4
Опекунский совет	05.11.1808	100 030	44 713,41
Частное лицо	1808	10 000	4470
Частное лицо	1808	2500	1117,5
Частное лицо	05.1810	6000	1524
Частное лицо	05.1810	1000	254
Частное лицо	05.1810	2000	508
Частное лицо	16.05.1810	2000	508
Частное лицо	1810	2000	508
Частное лицо	1812	5000	1260
Частное лицо	1812	12 500	3150
Частное лицо	05.03.1813	70 000	17 640
Частное лицо	09.05.1813	10 000	2520
Частное лицо	01.10.1813	5000	1260
Частное лицо	26.01.1814	48 000	9600
Опекунский совет	04.05.1814	21 000	4200
Частное лицо	1814	1500	300
Опекунский совет	24.02.1816	60 060	15 195,18
Опекунский совет	10.11.1819	124 000	32 612
Опекунский совет	10.05.1820	75 000	19 725

Подсчет автора: по источникам, указанным к таблице 2.

Несмотря на то что граф частично погашал свои долги перед Опекунским советом, их общая сумма с каждым годом значительно возрастала и к июню 1820 г. составляла около 287 500 руб. (табл. 4). Опекунский совет, несмотря на увеличивающийся к концу рассматриваемого периода размер долга графа, продолжал выдавать ему займы. В большинстве случаев нельзя точно определить, на что они тратились; исключение составляет совершенный в 1814 г. в Опекунском совете заем на ремонт московского дома в 21 тыс. руб., который, видимо, потребовался после пожара в Москве 1812 г.

Таблица 4

Займы в Опекунском совете Московского воспитательного дома за 1807–1820 гг.

Год/размер займа, руб.	1807	1808	1814	1816	1819	Июнь 1820
Заем 1	18 300,00	нет данных	11 000,00	11 000,00	6 600,00	2 200,00
Заем 2		100 030,00	100 030,00	75 030,00	40 012,00	20 006,00
Заем 3			21 000,00	20 315,53	18 618,76	18 300,00
Заем 4				60 060,00	60 060,00	48 000,00
Заем 5					124 000,00	124 000,00
Заем 6						75 000,00
Всего по всем займам, руб.	18 300,00	Мин.: 111 030,00 Макс.: 118 330,00	132 030,00	166 405,53	249 290,76	287 506,00

Подсчет автора: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1114; Д. 1155; Д. 1159.

Размер займа и количество душ, заложенных для его получения, закономерно коррелируются достаточно сильно⁴⁷. В разные года одна душа в рамках займа обеспечивала от 70 до 149,5 руб., причем это значение увеличивалось как с течением времени, так и с увеличением размера долга. Возможно, чем больше был долг, тем больше в рублевом выражении могла обеспечивать одна душа, заложенная для получения этого долга, или же у заемщика не хватало незаложенных душ, поэтому получалось, что одна душа становилась «дороже».

Несколько раз Панин просрочил выплаты по своим долгам Опекунскому совету Московского воспитательного дома⁴⁸, за что был вынужден заплатить дополнительно. Выплаты за просрочку по отношению ко всей сумме долга в год составляли от 0,39 до 1,8%, причем они увеличивались с течением времени.

Первые проценты с долгов, взятых в Опекунском совете, взимались сразу в день взятия займа, как и в случае с некоторыми долгами частным лицам. В разных случаях выплаты на погашение долга могли распределяться по-разному. В среднем в первые год-два после взятия долга выплачивались только проценты, потом начиналось погашение тела долга. По всем своим займам, кроме займа 1814 г., граф ежегодно платил фиксированную сумму в счет

⁴⁷ Коэффициент корреляции — 0,83710104.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1159. Л. 49 об., 50 об.; Д. 1155. Л. 54 об.—55.

самого долга и пропорционально уменьшающиеся с каждым годом проценты. А вот в рамках платежей по займу 1814 г., который единственный был сделан под залог московского дома, выплаты в счет тела долга ежегодно увеличивались⁴⁹.

Проценты по долговым обязательствам перед Опекунским советом составляли 6% в год. Соответственно, кредитование в Опекунском совете было более выгодным, чем у частных лиц, а в случае Панина в целом почти таким же выгодным, как у родственных и близких ему людей. Изначально государственные кредитные учреждения были основаны для того, чтобы сделать кредит более доступным для дворянства и купечества и для борьбы с высокими процентами по частным кредитам⁵⁰, и, исходя из примера кредитных отношений Панина, эту цель можно назвать достигнутой.

В учетных записях графа обнаружены три документа, в которых указаны сроки платежей по его долгам перед Опекунским советом. Два из них можно датировать примерно июлем 1816 г.⁵¹ (судя по всему, один из них — копия другого, которую переписали с небольшими пометками). Третья сводка была составлена в июне 1820 г.⁵² Благодаря этим документам становится ясно, насколько дисциплинировано граф обслуживал долговые обязательства перед Опекунским советом.

По займу 1807 г. совпадают все платежи, выплата проходила ровно так, как было расписано в «сроках платежей», но один раз граф просрочил выплату процентов и заплатил за просрочку. В рамках займа 1808 г. изначально выплату тела долга планировалось начать в 1816 г. и заплатить 20 006 руб.⁵³ (что отражено в одном из вариантов «сроков» за 1816 г.), но в итоге в 1816 г. было внесено 25 тыс. руб.,⁵⁴ которые почему-то не отображены во втором варианте «сроков платежей» 1816 г., но есть в общей сводке по суммам долгов и их выплат. В остальном погашение долга проходило ровно в том размере, который был указан в обоих версиях документа от 1816 г. и без просрочек. Все выплаты по займу 1814 г. совпадают во всех вариантах документа, как совпадают и с реальными платежами; один раз граф просрочил платеж на три месяца, но, судя по всему, ничего за это не заплатил⁵⁵. Проценты по займу 1816 г., которые нужно было выплатить в 1823 г., в первом варианте «сроков платежей» 1816 г. были чуть больше (на 72 коп.); в остальном все совпадает, как и с реальными выплатами по этому займу. Один раз граф просрочил платеж по этому займу и заплатил за просрочку.

Сравнивая долги графа перед Опекунским советом и перед частными лицами, можно прийти к выводу, что более важными для него были его долговые обязательства перед Опекунским советом: он почти всегда точно следовал графику выплат по взятым там кредитам, к тому же такой график вообще существовал! Учитывая, что он закладывал в счет этих займов души дугинского имения, где проживал, эти долги он почти всегда своевременно обслуживал, так как за неисполнение долговых обязательств заложенное имение могло попасть в опеку, тогда бы он перестал иметь возможность им распоряжаться. Кроме того, исправное обслуживание дворянином своих долгов уменьшало размер его подоходного налога. Возможно, это условие тоже мотивировало графа быть дисциплинированным должником.

Еще одно доказательство ответственности графа: уезжая надолго, он назначал кого-то, кто бы в срок обслуживал его долги. В 1816 г. это был его управляющий Л.Л. Шлегель. Н.П. Панин не сомневался, что его действия поспособствуют «сохранению кредита и чести»⁵⁶ Никиты Петровича. А в 1820 г. граф передал полномочия жене⁵⁷.

Граф был не только заемщиком, но и кредитором, правда, намного реже. Всего за 1791—1816 гг. сумма всех выданных графом кредитов была равна минимум 20 025 руб. В 1791—1793 гг. ему возвращали

⁴⁹ Там же. Д. 1155. Л. 6 об., 55 об.; Д. 1159. Л. 51 об.—52.

⁵⁰ Морозан В. В. Указ. соч. С. 27.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1159. Л. 51 об.—52; Д. 1155. Л. 6 об.

⁵² Там же. Д. 1155. Л. 55 об.

⁵³ Там же. Д. 1159. Л. 51 об.—52.

⁵⁴ Там же. Л. 50 об.

⁵⁵ Там же. Д. 1155. Л. 54 об.—55.

⁵⁶ Там же. Л. 20.

⁵⁷ Там же. Л. 126—130.

взятые ранее долги Яков (1 тыс. руб.) и Александр (7925 руб.) Ивановичи Лобановы-Ростовские — сыновья Е.А. Лобановой-Ростовской, племянницы отца графа. Егор Александрович Панин (неустановленный родственник графа) вернул ему по 4 тыс. руб. в 1796 и 1799 гг., его можно назвать самым важным должником графа — на его долю пришлось 40% от всех выданных графом займов. Е.А. Панин на девять месяцев просрочил вторую выплату графу, однако тот не взял с него процентов за просрочку⁵⁸. В 1797 г. Е.Н. Вяземская вернула 100 руб., которые она взяла займы у графа, находясь в дороге. В 1799 г. «Юрий А. Нелединской»⁵⁹ (очевидно, имеется в виду Ю.А. Нелединский-Мелецкий, который служил вместе с отцом графа) вернул ему 1 тыс. руб. В 1816 г. Никита Петрович одолжил 2 тыс. руб. на год пастору К.П. Бетигеру, однако информации о возврате этого долга не было найдено. Так как он одолжил эти средства через свою жену, возможно, они были возвращены ей, поэтому и не были отражены в документах графа. Самыми важными среди его должников были родственники, на долю которых приходится 80% средств, которые граф одалживал другим людям.

* * *

Граф Н.П. Панин со временем перестал активно кредитоваться у частных лиц и стал чаще занимать деньги в Опекунском совете. В чем причина? Возможно, в связи с запретом на появление в столицах и проживанием в имении в Смоленской губернии он растерял часть своих социальных связей или же понял, что кредитование в Опекунском совете более выгодно с точки зрения выплачиваемых процентов. А кроме того, и это кажется более вероятным, он осознал, что в состоянии выплачивать все обязательства в срок, что может занимать большие суммы и на более выгодных условиях, закладывая свое имение без опасений, что оно попадет в опеку за невыплату долга.

В начале 1816 г. за графом числилось «казенного долгу» (государственным учреждениям) около 166 400 руб., а «партикулярного долгу» (частного) почти 263 200 руб. К июню 1820 г. Никита Петрович выплатил часть своих обязательств частным лицам, но больше занял в Опекунском совете: последнему он был должен чуть больше 287 600 руб., а частным лицам — В.Г. Орлову, наследнику Васильева В.М. Федорову, аббату Макару — около 202 570 руб.⁶⁰ Несмотря на немалое количество займов, выплаты по многим долгам производились своевременно и не затягивались на долгие года (исключение составляют несколько случаев). Общий размер кредитов графа перед частными лицами и государственными учреждениями в разное время был примерно одинаковым, при этом медианный размер займа у частных лиц — 10 тыс. руб., у Опекунского совета — 67 530 руб., т.е. за большими суммами он обращался в государственное кредитное учреждение.

Опекунский совет как государственное учреждение не мог «смиловиться» к графу в случае, если бы ему нечем было бы платить, в то время как частные кредиторы могли, в том числе потому, что у графа была хорошая репутация и хорошая «кредитная история». Рынок государственного кредитования представляется более неповоротливым, а частного — более гибким, однако за эту гибкость необходимо было платить большую цену в виде высоких процентов, при этом более высокие проценты частного кредитования — это своеобразная премия за риск для кредитора, так как подобные кредиты выдавались без залога имения.

Несмотря на высокую инфляцию в рассматриваемый период нельзя говорить, что «жить в кредит» было выгоднее: за рассматриваемый период было выявлено только три случая, когда размер выплаченного кредита с учетом процентов, в пересчете на серебряные рубли, был меньше, чем размер изначального займа. Два таких случая относились к 1796–1800 гг. (падение ассигнаций к серебряному рублю на 16%) и один — к 1813–1815 гг. (падение на 20%).

Граф был богатым человеком, но все равно активно кредитовался. Почему? Очевидно, у него могла быть потребность в наличных деньгах, учитывая, что оброк с имений, который был самой стабильной статьей доходов графа, платился два раза в год, а деньги могли понадобиться,

⁵⁸ Там же. Д. 1114. Л. 35 об.

⁵⁹ Там же. Л. 32 об.

⁶⁰ Там же. Д. 1155. Л. 10 об., 57 об.

когда оброк еще не был получен. Кроме того, учитывая инфляцию, в номинальном выражении требовалось все больше денег. В этом также видится причина его более частого кредитования в Опекуновском совете, а не у частных лиц, так как Опекуновский совет мог выдавать бóльшие суммы и под меньший процент. Немаловажным видится и необходимость поддерживать определенный уровень жизни, пристойный для знатной дворянской семьи. Таким образом, главными причинами необходимости в кредитовании при высоких доходах видятся особенности получения доходов с дворянских имений и внешние экономические и социальные факторы.

Результаты, полученные в ходе данной работы, могут быть использованы при изучении истории развития кредитных отношений представителей дворянского сословия. Дальнейшие перспективы исследования обусловлены сохранившейся хозяйственно-учетной документацией других дворянских родов Российской империи. При обнаружении долговых документов представителей других дворянских родов, хорошо сохранившихся и охватывающих большой период времени, можно будет сравнить их кредитную историю с кредитной историей Н.П. Панина, что также поможет нам приблизиться к пониманию истоков и причин закредитованности дворянства в XIX в.

Библиография

- Болдина Е.Г.* О деятельности комиссии для рассмотрения прошений обывателей московской столицы и губернии, потерпевших разорение от нашествия неприятельского // Москва в 1812 году. Материалы научной конференции, посвященной 180-летию Отечественной войны 1812 года. М., 1997. С. 45–51.
- Боровой С.Я.* Кредит и банки России (середина XVII–1861 г.). М., 1958.
- Карнович Е.П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885.
- Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в 3-х кн. М., 1993.
- Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906.
- Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина / изд. и предсл. А. Брикнера: в 7 т. СПб., 1888–1892. Т. 1, 7.
- Морозан В.В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2004.
- Середа Н.В.* Купечество и система кредитования в Российской империи // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сб. материалов Третьей международной научной конференции (г. Коломна, 24–26 сентября 2013 г.) / ред.-сост. А.И. Раздорский. Т. 2. XIX — начало XX в. М., 2015. С. 122–131.
- Созинов И.В.* Отражение кредитных отношений дворян дореформенной России в «Сенатских объявлениях» (на примере имений Самсоновых) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 7–12.
- Шляпникова Е.А.* Н.П. Панин // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 56–72.
- Antonov S.* Bankrupts and usurers of Imperial Russia. Debt, property and the law in the age of Dostoevsky and Tolstoy. Cambridge, 2016.
- Broadberry S., Korchmina E.* Catching-up and falling behind: Russian economic growth, 1690s-1880s // Oxford Economic and Social History Working Papers. 2022. № 197. P. 1–65.
- De Vicq A., Van Bochove C.* Historical Diversity in Credit Intermediation: Cosignatory Lending Institutions in Europe and North America, 1700s-1960s // Social Science History. 2023. № 47. P. 95–119.
- Dermineur E.M.* Rethinking Debt: The Evolution of Private Credit Markets in Preindustrial France // Social Science History. 2018. № 42. P. 317–342.
- Hoffman Ph.T., Postel-Vinay G., Rosenthal J.-L.* Dark matter credit. The development of peer-to-peer lending and banking in France. Princeton, 2019.
- Kahan A.* The costs of “Westernization” in Russia: the gentry and the economy in the eighteenth century // Slavic review. 1966. Vol. 25. № 1. P. 40–66.
- Kahan A.* The plow, the hammer, and the knout: an economic history of eighteenth-century Russia. Chicago, 1985.
- Korchmina E.* Peer Pressure: The Puzzle of Tax Compliance in the Early Nineteenth-Century Russia // EHES Working Papers in Economic History. 2018. № 144. P. 1–32.
- Korchmina E.* The practice of personal finance and the problem of debt among the noble elite in eighteenth-century Russia // The Europeanized elite in Russia, 1762–1825. Public role and subjective self / eds A. Schonle, A. Zorin, A. Evstratov. Northern Illinois, 2016. P. 116–135.
- Lindgren H.* “Over-indebtedness” — or not? Household debt accumulation and risk exposure in nineteenth century Sweden // Scandinavian Economic History Review. 2022. № 70 (1). P. 33–56.

Martin A. Down and out in 1812: The impact of the Napoleonic Invasion on Moscow's middling strata // Eighteenth-Century Russia: Society, culture, economy. From the VII International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004. Münster, 2007. P. 429–441.

References

Boldina E.G. O deyatel'nosti komissii po rassmotreniyu prosheniy obyvatel'ey moskovskoy stolitsy i gubernii, poterpevshikh razoreniye ot prikhoda nepriyatel'skogo [On the activities of the commission for considering the petitions of the inhabitants of the Moscow capital and province, who suffered ruin from the arrival of the enemy] // Moskva v 1812 godu. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 180-letiyu Otechestvennoy voyny 1812 goda [Moscow in 1812. Materials of a scientific conference dedicated to the 180th anniversary of the Patriotic War of 1812]. Moskva, 1997. S. 45–51. (In Russ.)

Borovoy S. Ya. Kredit i banki Rossii (seredina XVII–1861 g.) [Credit and banks of Russia (mid of 17th century–1861)]. Moskva, 1958. (In Russ.)

Karnovich E.P. Zamechatel'nyye bogatstva chastnykh lits v Rossii [Remarkable wealth of individuals in Russia]. Sankt-Peterburg, 1885. (In Russ.)

Klyuchevskiy V.O. Russkaya Istoriya. Polnyy kurs lektsiy v 3 kn. [Russian history. Full course of lectures in 3 books]. Moskva, 1993. (In Russ.)

Korf S.A. Dvoryanstvo i yego soslovnnoye upravleniye za stoletiy 1762–1855 godov [The nobility and its orderly control over the century 1762–1855 years]. Sankt-Peterburg, 1906. (In Russ.)

Materialy dlya zhizneopisaniya grafa Nikity Petrovicha Panina [Materials for the biography of Count Nikita Petrovich Panin] / isd. i pred. A. Brikner. T. 1–7. Sankt-Peterburg, 1888–1892. (In Russ.)

Morozan V.V. Istoriya bankovskogo dela v Rossii (vtoraya polovina XVIII — pervaya polovina XIX v.) [History of banking in Russia (second half of the 18th — first half of the 19th centuries)]. Sankt-Peterburg, 2004. (In Russ.)

Sereda N.V. Kupechestvo i sistema kreditovaniya v Rossiyskoy imperii [Merchants and the credit system in the Russian Empire] // Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoye delo v Rossii v XVI–XIX vv. Sb. materialov Tre't'ey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Kolonna, 24–26 sentyabrya 2013 g.) [Trade, merchants and customs in Russia in the 16th–19th centuries: collection of materials of the Third International Scientific Conference (Kolonna, September 24–26, 2013)] / ed. A.I. Razdorskiiy. Vol. 2. XIX — nachalo XX v. Moskva, 2015. S. 122–131. (In Russ.)

Shlyapnikova E.A. Nikita Petrovich Panin [Nikita Petrovich Panin] // Voprosy istorii [Questions of History]. 2008. № 3. S. 56–72. (In Russ.)

Sozinov I.V. Otrazheniye kreditnykh otnosheniy dvoryan doreformennoy Rossii v “Senatskikh ob'yavleniyakh” (na primere imeny Samsonovykh) [Description of Credit Relations of the Pre-Reform Russia Noblemen in “The Senate Announcements” (on an example of the Samsonovs' estates)] // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia]. 2016. № 3 (39). S. 7–12. (In Russ.)

Antonov S. Bankrupts and usurers of Imperial Russia. Debt, property and the law in the age of Dostoevsky and Tolstoy. Cambridge, 2016.

Broadberry S., Korchmina E. Catching-up and falling behind: Russian economic growth, 1690s-1880s // Oxford Economic and Social History Working Papers. 2022. № 197. P. 1–65.

De Vicq A., Van Bochove C. Historical Diversity in Credit Intermediation: Cosignatory Lending Institutions in Europe and North America, 1700s-1960s // Social Science History. 2023. № 47. P. 95–119.

Dermineur E.M. Rethinking Debt: The Evolution of Private Credit Markets in Preindustrial France // Social Science History. 2018. № 42. P. 317–342.

Hoffman Ph.T., Postel-Vinay G., Rosenthal J.-L. Dark matter credit. The development of peer-to-peer lending and banking in France. Princeton, 2019.

Kahan A. The costs of “Westernization” in Russia: the gentry and the economy in the eighteenth century // Slavic review. 1966. Vol. 25. № 1. P. 40–66.

Kahan A. The plow, the hammer, and the knout: an economic history of eighteenth-century Russia. Chicago, 1985.

Korchmina E. Peer Pressure: The Puzzle of Tax Compliance in the Early Nineteenth-Century Russia // EHES Working Papers in Economic History. 2018. № 144. P. 1–32.

Korchmina E. The practice of personal finance and the problem of debt among the noble elite in eighteenth-century Russia // The Europeanized elite in Russia, 1762–1825. Public role and subjective self / eds A. Schonle, A. Zorin, A. Evstratov. Northern Illinois, 2016. P. 116–135.

Lindgren H. “Over-indebtedness” — or not? Household debt accumulation and risk exposure in nineteenth century Sweden // Scandinavian Economic History Review. 2022. № 70 (1). P. 33–56.

Martin A. Down and out in 1812: The impact of the Napoleonic Invasion on Moscow's middling strata // Eighteenth-Century Russia: Society, culture, economy. From the VII International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004. Münster, 2007. P. 429–441.